

ние во мне любовалось ею столь охотно, что я едва мог отвести от нее взоры. И под действием [этого] воображения я стал ходить туда, где она истинно проявляла себя, а именно в монастырские школы и на диспуты философствующих. В короткий срок, примерно в течение тридцати месяцев, я стал настолько воспринимать ее сладость, что любовь к ней изгоняла и уничтожала всякую иную мысль. Поэтому, чувствуя, что от мысли о первой любви я возношусь к добродетели новой, я, как бы дивясь, начал говорить и произнес вышеупомянутую канцону, в которой я иносказательно обнаруживал свое собственное состояние. Для дамы, к которой я восчувствовал любовь, не существовало на народном языке достойной стихотворной формы, к которой я мог бы обратиться, да и слушатели не были достаточно подготовлены, чтобы легко воспринять невымышленные слова; к тому же они и не поверили бы моим неизмышленным словам, выражающим истину, как поверили бы вымышленному повествованию, ибо все верили, что я расположен любить земную даму, а не Философию. Итак, я произнес:

«Вы, движущие третьи небеса,
Их разумея...»

После того как было сказано, что дама – дочь Творца, царица всего сущего, благороднейшая и прекраснейшая Философия, следует рассмотреть, кто были упомянутые двигатели и каково третье небо. И сначала, следуя по порядку, скажу о небе. Здесь нет нужды объяснять, разделяя на части и толкуя буквально, обратив слова от их звучания к их смыслу; при помощи уже разъясненного значения их и так станет вполне ясным.

XIII.

Тот, кто желает понять, что разумеется под «третьим небом», должен сначала проникнуть в смысл произносимого мною слова «небо»; только тогда он увидит, отчего и зачем понадобилось это «третье небо». Под словом «небо» я разумею науку, а под словом «небеса» – науки на основании трех признаков, общих как небесам, так и наукам, а также сообразно их порядку и числу, в чем они, по-видимому, совпадают, как это станет ясно при рассмотрении слова «третье».

Первое сходство – это обращение и небес, и наук вокруг некоего неподвижного своего средоточия. Ведь каждое подвижное небо вращается вокруг средоточия, которое в отношении своего движения неподвижно; равным образом каждая наука вращается вокруг своего предмета, который, однако, приводит в движение не она, ибо ни одна наука не доказывает свой предмет, но лишь открывает его. Второе сходство – это освещающее действие и небес, и наук, ибо каждое небо освещает видимые вещи и точно так же каждая наука освещает вещи, постигаемые умом. Третье же сходство – дарование совершенства вещам, к совершенству предрасположенным. Что касается этого дара, поскольку он относится к первому совершенству, а именно субстанционального зарождения, все философы сходятся в том, что всему причина – небеса, хотя понимают это по-разному: иные приписывают зарождение его небесным двигателям, как, например, Платон, Авиценна и Альгазель; иные звездам, в особенности в отношении человеческих душ, как Сократ, Платон и Дионисий Академик, а иные небесной силе, заключенной в естественной теплоте семени, как Аристотель и другие перипатетики. Подобным образом и науки являются причинами приобщения нас к совершенству вторичному; благодаря предрасположению к ним мы можем размышлять об истине, которая и есть наше высшее совершенство, как говорит Философ в шестой книге «Этики», когда он утверждает, что истина есть благо разума. Из-за этих и многих других черт сходства наука и может именоваться «небом». Теперь следует разъяснить, почему говорится «третье небо». Для этого необходимо рассмотреть сопоставление, проводимое между порядком небес и порядком наук. Дело в том, что, как уже говорилось выше, первые от нас семь небес – это небеса планет; далее над ними – еще два подвижных неба, а над всеми – еще одно, покоящееся. Семи первым небесам отвечают семь наук тривиума и квадравиума, а именно – Грамматика, Диалектика, Риторика, Арифметика, Музыка, Геометрия и Астрология. Восьмой же сфере, звездной, соответствует наука о Природе, именуемая Физикой, и первонаука, именуемая Метафизикой; девятой сфере соответствует наука о нравственности, а покоящемуся небу соответствует наука божественная, которую называют Богословием. Причину этого распорядка